

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-06>

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА НАРОДНОГО ЦЕЛИТЕЛЬСТВА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ШВЕЙЦАРИИ

УДК 81'26, 81'272

Владимир И. Карпов

Институт языкознания
Российской академии
наук
Москва,
Российская Федерация

Примечание

Исследование
поддержано проектом
FMNE-2025-0008,
выполняемым в
Институте языкознания
РАН.

Аннотация

В статье рассматривается языковая ситуация в немецкоязычных кантонах Швейцарии на материале заговорной традиции первой трети XX в. Исследование выполнено на стыке социолингвистики, диалектологии, исторической лингвофольклористики. Цель работы – выявить влияние социолингвистических установок собирателей швейцарского фольклора на разработку методических принципов фиксации и публикации текстов вербальной магии в условиях многоязычия.

Материалом послужили опубликованные в этнографических журналах 1910–1930-х гг. методические анкеты и инструкции, а также образцы заговоров. Уже на раннем этапе был сформулирован принцип буквальной записи диалектных особенностей. В центре внимания оказывается феномен «заговорной диглоссии»: в немецкоязычной Швейцарии сеанс коммуникации строится на местном алеманнском диалекте, тогда как ядро заговора (христианские нарративы, клятвы, книжные формулы) произносится на общенемецком языке-стандарте.

Такая стратификация кодов маркирует разные источники магической силы: стандарт апеллирует к письменной традиции, диалект – к локальной бытовой магии. В статье анализируются конкретные заговорные тексты, демонстрирующие переходы между стандартом и диалектом на уровне лексики и морфологии. Утверждается, что каждый заговор представляет собой индивидуальную комбинацию кодов, где выбор языка предопределен не только ареалом фиксации, но и традицией передачи способностей к целительству и семантикой магического воздействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: многоязычие, диглоссия, заговоры, немецкоязычная Швейцария, целительство, вербальная магия, лингвофольклористика

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Владимир И. Карпов, 2026

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-06>

SOCIOLINGUISTIC AND DIALECTOLOGICAL ASPECTS OF THE STUDY OF THE PHENOMENON OF TRADITIONAL HEALING IN GERMAN-SPEAKING SWITZERLAND

UDC 81'26, 81'272

Vladimir I. Karpov

Institute of Linguistics of
the Russian Academy of
Sciences
Moscow,
Russian Federation

Acknowledgments

This research was supported
by project FMNE-2025-
0008 conducted at the
Institute of Linguistics of
the Russian Academy of
Sciences.

Abstract

This article examines the linguistic situation in the German-speaking cantons of Switzerland on the basis of incantation traditions from the first third of the twentieth century. The study is situated at the intersection of sociolinguistics, dialectology, and historical folkloristic linguistics. Its aim is to identify the influence of the sociolinguistic attitudes of Swiss folklore collectors on the development of methodological principles for the recording and publication of verbal magic texts in a multilingual environment. The material analyzed includes methodological questionnaires and guidelines published in ethnographic journals between the 1910s and the 1930s, as well as samples of incantation texts. At an early stage, the principle of recording dialectal features verbatim was established. Particular attention is paid to the phenomenon of “incantatory diglossia”: in German-speaking Switzerland, the communicative framework of a ritual performance is conducted in the local Alemannic dialect, whereas the core of the incantation (Christian narratives, oaths, and formulae derived from written sources) is recited in Standard German.

This stratification of linguistic codes indexes different sources of magical power: the standard language invokes the authority of the written tradition, while the dialect is associated with local folk magic. The article analyzes specific incantation texts that demonstrate shifts between Standard German and dialect at the lexical and morphological levels. It is argued that each incantation represents a unique combination of linguistic codes, in which language choice is determined not only by the area in which the text was recorded but also by traditions of transmitting healing knowledge and by the semantics of the intended magical effect.

KEYWORDS: multilingualism, diglossia, charm, German speaking Switzerland, folk healing, verbal magic, linguafolcloristics

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Vladimir I. Karpov, 2026

1 | Введение

Языковая ситуация в Швейцарии, по общему мнению исследователей, изучена детально и в синхронном, и в диахроническом измерениях. Тем не менее, модель швейцарского многоязычия по-прежнему вызывает большой интерес у представителей различных научных областей «не только как гармоничный пример сосуществования языков и их подсистем, но и как феномен культурно-политической интеграции» [Смирнова, 2020: 89]. В фокусе внимания оказываются, как правило, вопросы языкового регулирования в зонах активного взаимодействия языка-стандарта и местных диалектов⁶¹, а также факторы, влияющие на выбор того или иного идиома в различных ситуациях общения «в качестве инструмента демаркации от Германии и формирования национального самосознания немецкоязычной части населения Швейцарии» [Maslakova-Clauberg et al., 2022: 272]. В меньшей степени разработаны аспекты фольклорной диалектологии швейцарско-немецкого языкового континуума, в частности, проблемы территориальной дифференцированности языка фольклорных жанров и явление кодового переключения во время лечебных сеансов народных целителей. Между тем в современной Швейцарии, как пишет социолог и антрополог М. Женни, альтернативные методы лечения, включая целительство с использованием заговоров, по-прежнему очень востребованы (см., например, [Sharma et al., 2009]). Высокий интерес подтверждают и данные социологических исследований. Общенациональный опрос граждан Швейцарии, проведенный Федеральным агентством по статистике в 2024 г., показал, что доля респондентов, ответивших положительно на вопрос, верят ли они в существовании людей, обладающих даром целительства или ясновидения, составила 42 %; в 2019 г. этот показатель был еще выше – 45,1%⁶².

Популярность целительства отчасти обусловлена историко-политическими факторами. В законодательных актах отдельных кантонов в Швейцарии закреплён принцип: «Die freie Heiltätigkeit ist gewährleistet» («Свобода врачебной деятельности гарантирована»). Данный принцип был провозглашен в 1871 г. на собрании законодателей кантона Аппенцель-

⁶¹ Швейцарский немецкий язык (Schweizer Hochdeutsch) – стандартизированная форма, которая представляет собой отдельный национальный вариант, используемый в официальной переписке, в средствах массовой информации, в интернете и в деловой коммуникации в 17 из 26 кантонов. Кроме того, существует разговорная форма швейцарского немецкого языка, обычно называемая «Schwiitzer Dötsch», «Schwizerdütsch», «Schwiizertüütsch» и т.д. Данные обозначения являются собирательным термином для группы алеманнских диалектов Швейцарии. В нашей статье под «языковым стандартом» мы понимаем как собственно немецкий литературный язык в широком смысле (Hochdeutsch), так и его швейцарский вариант (Schweizer Hochdeutsch).

⁶² <https://fowid.de/meldung/religion-und-spiritualitaet-schweiz-2024>

Ауссерроден, три года спустя аналогичную формулировку одобрили депутаты в кантоне Гларус. Он означает, что каждый гражданин имеет право применять альтернативные методы лечения, соблюдая определенные условия, гарантирующие безопасность пациентов. Важным поворотным моментом стало официальное признание на уровне ЮНЕСКО швейцарского целительства в качестве нематериального культурного наследия человечества. Это решение было принято с учетом того, что такая практика глубоко укоренена в местных сообществах и вносит весомый вклад в формирование культурной идентичности швейцарцев.

Исследования ученых, посвященные феномену народного целительства в Швейцарии, носят междисциплинарный характер и направлены не только на описание лечебных практик как части культурного наследия, но и на выявление региональных различий в их языковом оформлении. При этом отмечаются определенные сложности в изучении ритуальной коммуникации: целители предпочитают открыто не демонстрировать свою деятельность, неохотно идут на контакт, поэтому собирателям фольклора приходится иметь дело «с молчанием и умолчаниями, <...> цензурой и самоцензурой, сомнением и неуверенностью» [Адоньева и др., 2023: 14] и по-особому выстраивать работу «с «невыразимым» и не сказанным напрямую» [там же]. Ситуация осложняется, с одной стороны, многоязычием в Швейцарии – наличием четырех официальных языков – с другой стороны, диглоссией на уровне взаимодействия официального языка и местного диалекта. В процессе коммуникации с пациентом и/или собирателем фольклора целитель как носитель определенного диалекта должен учитывать, какие информационные потери могут возникнуть, если общение строится на языке-стандарте⁶³ [Чукшис, 2023].

Цель исследования – выявить, как социолингвистические установки собирателей фольклора в немецкоязычной Швейцарии первой трети XX века повлияли на разработку основных принципов сбора и анализа вербальных магических текстов, а также охарактеризовать феномен диглоссии как особой стратификации кодов в ритуальной коммуникации. В статье анализируются методические инструкции и опросники, разработанные Эдуардом Гофманом-Крайером и его единомышленниками (1910–1930-е гг.), в аспекте требований к фиксации диалектных особенностей заговорных текстов. На основе

⁶³ Ютта Дорнхайм характеризует общение этнографа с информантом как «интервью с двойным дном»: «Первостепенное значение имеют жизненные истории собеседников, связанные с обсуждаемой темой. К этому добавляются факторы межличностного взаимодействия в рамках актуальной жизненной ситуации. Иными словами, специфическая природа обсуждаемой проблемы в ее субъективном и объективном контексте, а также особенности языкового взаимодействия с ней играют решающую роль» [Dornheim, 1986: 77].

опубликованных им образцов заговоров (от кровотечений, бородавок, ожогов, укусов и др.) описываются закономерности переключения между общенемецким стандартом и местным алеманнским диалектом и вводится понятие «заговорная диглоссия» как инструмент анализа языкового варьирования в ритуальном дискурсе. Материалом исследования послужили методические анкеты для собирателей фольклора, составленные Гофманом-Крайером, и тексты немецких заговоров и заклинаний, опубликованные в журнале «Швейцарская этнография». В качестве методов исследования использованы:

1. историко-функциональный анализ методических текстов (рассмотрение инструкций как социолингвистических нарративов);
2. лингвотекстологический анализ заговорных формул (выявление кодовых переключений на уровне лексики, морфологии и синтаксиса);
3. элементы социолингвистического моделирования (описание стратификации кодов «стандарт – диалект» в ритуальной коммуникации);
4. диалектологический комментарий (идентификация алеманнских архаизмов и редуccionных процессов).

2 | История изучения немецких заговоров в Швейцарии в довоенный период

С инициативой начать широкомасштабную работу по изучению заговорно-заклинательной традиции на всем немецкоязычном пространстве выступили представители именно швейцарской школы этнографии Эдуард Гофман-Крайер (1864–1936) и Ганс Бехтольд-Штойбли (1886–1941), составители одного из наиболее полных справочников по верованиям и народной магии немцев – объемного «Словаря немецких суеверий», первый том которого увидел свет в 1927 г. Словарные статьи включали и образцы заговоров, полученных от респондентов из различных немецкоязычных регионов Европы. Гофман-Крайер еще в начале XX в. занялся составлением и рассылкой опросников, содержащих детализованную методику и длинный перечень вопросов, связанных с народной медициной и деятельностью целителей. В журнале «Швейцарская этнография» он публикует объявление с призывом присылать в редакцию тексты заговоров, защитные письма, сборники, старопечатные книги магического содержания и т.п. [Hoffmann-Krayer, 1914: 7]. К сбору и систематизации фольклорных данных присоединяется работавший в Германии этнограф Адольф Шпамер (1883–1953), благодаря которому весь полученный полевой материал удалось архивировать в одном месте – в Институте саксонской истории и этнографии в Дрездене. На сегодняшний день это

крупнейшее хранилище немецких заговоров и заклинаний, объем которого составляет примерно 28000 текстов, собранных в период с 1914 до 1950-е гг.⁶⁴.

Подробнейший опросник, разработанный Гофманом-Крайером, был снабжен пошаговой инструкцией по сбору материала с просьбой обращать пристальное внимание на все факты, сопутствующие деятельности народных целителей. В частности, требовалось описать, как строится ритуал: в какое время и при каких условиях происходит сеанс (время суток и года, фаза луны, церковные праздники, наличие колокольного звона и т.п.), какое место выбирается знахарем (закрытое помещение, открытое пространство, водоем, костер, кладбище, деревья), в какой тональности произносится текст (крик, шепот, меняющаяся интонация), какие действия и средства при этом дополнительно используются (святая вода, травы, окуривание, животный жир и пр.), необходима ли специальная утварь для ритуала, связана ли эффективность лечения с запретами (например, не произносить определенных заклинаний, не использовать конкретные слова, отказаться от приема пищи или не носить каких-то элементов одежды), соотносятся ли заговоры с определенными молитвами (например, в каких случаях читается «Отче наш»), повторяется ли ритуал несколько раз за сутки или несколько дней подряд и т.д. Каждую запись следовало снабдить контекстными параметрами: информацией о месте фиксации, о профессии, примерном возрасте и происхождении опрашиваемого, а также выяснить, каким образом он приобрел дар целительства.

Особо оговаривалось пожелание к собирателям фиксировать заговор и сопутствующие комментарии в точности так, как они произносились самим целителем, и не вносить по своему усмотрению произвольные правки и улучшения в текст: «Запись производится буквально, со всеми ошибками касаясь языка, письма и печати. Любое отклонение от уже известного варианта имеет свою ценность. Диалектно звучащий материал записывается, как произносится. Собственные добавления, исправления или предположения допустимы только с пояснениями» [Hoffmann-Krayer, 1916: 161–162]. Еще раньше в письме к собирателю народных песен в кантоне Люцерн А.Л. Гассману от 15.11.1905 г. Гофман-Крайер уточняет: «Лучше пусть будет непонятное и непонятное слово, бессмысленный текст, произнесенный кем-то из народа, чем текст, выправленный собирателем» (цитируется по [Trümpy, 1964: 122]). Таким образом, уже на стадии разработки методических рекомендаций Гофман-Крайер с

⁶⁴ Работа прерывалась во время Второй мировой войны и была возобновлена после ее окончания, но уже на территории ГДР, поэтому для западных немцев архив долгое время оставался недоступным.

единомышленниками, размышляя над вопросом, допустимо ли «печатать тексты с диалектными и другими особенностями или устранять их» [Новиков, 1966: 73], озвучил важнейший принцип эдиционной текстологии фольклора, который позже ляжет в основу этнографической работы в других странах. В советской этнографии В.Я. Пропп первоначально также сформулировал аналогичные требования к первичной фиксации и редактированию фольклорных текстов, правда, с допущением, что «осторожно проведенная замена некоторых или даже всех диалектальных особенностей произношения общерусскими произносительными нормами при соответствующей оговорке и мотивировке для некоторых типов изданий вполне возможна без всякого ущерба для фольклористики» [Пропп, 1956: 205]. В то же время, как добавляет Пропп, любая «обработка особенностей словоизменения, словообразования и пр. недопустима. Вмешательство редактора в этих случаях представляло бы собой уже не только языковую, но и литературную правку и обработку» [там же, 205]. К сожалению, методологическая «двойственность» такого подхода приводила порой к изъятию «из текста диалектных особенностей там, где сохранение их было необходимым для целостности и полноты передачи художественного стиля» [Новиков, 1966: 85].

Последняя серьезная попытка собрать этнографические данные о народной медицине в довоенный период была предпринята швейцарскими исследователями в начале 1930-х гг. В журнале «Швейцарский архив этнографии» была напечатана анкета, содержащая 1579 вопросов, которые охватывали почти все области народной жизни в немецкоязычной Швейцарии, в том числе и целительство; целью опроса было «выявить некоторые ранее неизвестные обычаи, традиции или локальные особенности» [Fragebogen, 1931: 101]. Вербальная магия отдельно не рассматривалась, а заклинательные формулы и заговорные тексты запрашивались исключительно как иллюстративный материал в разделах, посвященных гаданиям и предсказаниям в определенные дни или периоды года, способам защиты домашнего хозяйства, скота и местных жителей от колдовства, сглаза, болезней, непогоды и проч. Специально были выделены разделы «Демоны, духи, ведьмы, колдуны» (вопросы №№1080–1167), «Народная медицина» (вопросы №№1403–1555) и подразделы «Вредоносное колдовство» (вопросы №№1289–1305) и «Разное» в разделе «Суеверия» (вопросы №№1318–1398), также включавшие вопросы об использовании магических средств в различных жизненных ситуациях. Однако несмотря на явный интерес исследователей к народной магии, и в этих частях опросника сакральные формулы или заговоры упоминались только в трех местах: в вопросах №1117 («Какие меры предосторожности и фразы

используются при встречах с духами?»), №1132 («С помощью каких знаков и фраз можно отогнать духов?») и № 1431 («Знают ли [респонденты] заговоры и заклинания от ран и болезней? Как они называются?»). Ни в одном из случаев запрос информации не сопровождался методическим комментарием относительно языковой составляющей записей.

3 | Диалектология фольклора и вопросы языкового варьирования

В опубликованном Гофманом-Крайером в 1914 г. опроснике также приведены примеры заговоров и заклинаний. Они были распределены по видам заболеваний, чтобы респондентам было понятно, о каком конкретно материале идет речь. Перечень содержал наиболее распространенные типы заговорных текстов, которые использовались знахарями в немецкоязычных кантонах Швейцарии. Важно отметить, что все языковые особенности при публикации также сохранены, что позволяет судить о практическом применении принципов фиксации этнографического материала в условиях так называемой «медиальной диглоссии», то есть при неравномерном распределении функциональных ролей диалекта и языкового стандарта в письменной и устной речи (об этом феномене подробнее см. [Копчук, 2018]). Приводимые Гофманом-Крайером тексты заговоров представляют собой пример «языковой коллизии» как характерного локального признака ритуальной коммуникации в Швейцарии: если сам сеанс общения целителя с пациентом или собирателем фольклора строится на местном диалекте, то лечебный заговор произносится, как правило, на общенемецком языке-стандарте с диалектными вкраплениями. Тексты, составленные полностью на диалекте, встречаются крайне редко. Подобная ситуация сохраняется в немецкоязычных кантонах среди народных целителей и в настоящее время (примеры см. [Inauen, 1995]). На севере Германии мы наблюдаем обратное явление – значительное число заговоров зафиксировано на нижненемецком диалекте, в то время как коммуникация производится либо на общенемецком языковом стандарте, либо на смешанном региональном варианте (региолекте) [Карпов, 2011].

Обратимся к некоторым из примеров, которые Гофман-Крайер печатает в журнале «Швейцарская этнография» [Hoffmann-Krauer, 1914: 7–8]. Отметим, что только один из них приводится полностью на диалекте, еще один записан на общенемецком стандарте, в остальных заговорах наблюдается незначительное влияние местного диалекта на уровне лексики и морфологии. Все тексты снабжены данными о месте фиксации, но лица, приславшие их, не упоминаются.

Первым дается заговор от кровотечений, который начинается с диалектно оформленного императива, но последующие части произносятся на стандартном немецком языке:

(1) Blüt gestand, gestand,
So wahr als Einer ist,

Der kein falsches Urteil spricht

Und in seinem Herzen besser ist.

*Кровь, остановись, остановись,
Так же верно, как [верен] Тот,
Кто не вынесет ложного приговора
И сердцем своим добрее других.*

(место фиксации – г. Мерель, кантон Вале (Валлис))

Наиболее распространенной дерматологической причиной обращения к целителям были и остаются бородавки. В объявлении описывается способ избавления от них: при растущей луне необходимо встать на место, на которое падает лунный свет, повернуться к нему лицом и, поглаживая бородавку, произнести текст, записанный на общенемецком стандарте:

(2) Was im Mond ist, soll zunehmen,
Was an den Warzen ist, soll verschwinden.

*Что на Луне, пусть прибывает,
Что на бородавке, пусть исчезает.*

(место фиксации – г. Мерель, кантон Вале (Валлис))

Ожог, полученный от крапивы, можно снять, натерев пораженный участок травой под названием «марь цельнолистная» (*Chenopodium bonus-henricus*) и сопроводив заговором:

(3) Nomini Patri
Neßje machund Blattr

Mit Heimina ribu

Das tüets sus vertribu.

Именем Отца

Крапива сотворила волдыри,

Я натру их марью,

Это их изгонит.

(место фиксации – г. Мерель, кантон Вале (Валлис))

Заговор начинается с латинского вступления (усеченный вариант формулы «In Nomini Patri») и продолжается уже исключительно на местном диалекте с соблюдением всех диалектных грамматических особенностей.

Отдельно упоминаются защитные заговоры от грабителей и различных опасностей, угрожающих дому и его обитателям. Для заговоров этой тематической группы характерно указание конкретного объекта или местности (в данном случае округа Виллизау и коммуны Эттисвиль в кантоне Люцерн) и ориентированность на местный диалект, поэтому текст изобилует как лексическими, так и грамматическими диалектизмами (стандарт сохраняется при упоминании сакральных имен, использовании устойчивых сочетаний и союзов):

(4) Walt Gott über öises Hus

Die liebi Frau

Und ‘s heilig Bluet vo Willisau

Und ‘s heilig Sakerment vo Ettiswil

Well Tag und Nacht bi-n-is sy.

Господь, властвуй над всем домом,

И пресвятая Дева,

И кровь святая в Виллизау,

И причастие святое в Эттисвиле.

Да будет так у нас и днем, и ночью.

(место фиксации – кантон Люцерн)

От укуса злых (бешеных) собак, в частности, советуют, сложив пальцы правой руки в кукиш, сказать, обращаясь к животному:

(5) Hund,

Halt din Mund,

Legg e uf d'Erde.

Gott hät mich erschaffe

Un dich la werde.

Собака,

Закрой пасть,

Ложись на землю.

Бог создал меня

И от тебя избавит.

(место фиксации – коммуна Шталликон, кантон Цюрих)

Здесь мы также имеем дело со смешением диалектных элементов и языкового стандарта: все существительные и личные местоимения в винительном падеже даны по-немецки, глагольные формы, предлоги и местоимение в дательном падеже – на диалекте.

Последним в перечне приводится пример заговора от растяжения связок, для этой процедуры смешивают разогретый свиной жир с солью, затем наносят смесь на больное место и шепчут:

(6) Und als Christus ging über die Heid,

Fiel er um auf einen Stein

Und enträichte sich die Hand

Und mit Salz

Und mit Schmalz

Wusch er sie im Namen +++.

И когда Христос по роще шел,

Споткнувшись о камень, упал

И вывихнул себе руку

И солью,

И смальцем

Натер ее (рану) во имя +++.

(место фиксации – г. Лаупен, кантон Берн)

За исключением глагольной формы *enträichte* и орфографических особенностей, связанных, по всей видимости, с записью заговора собирателем, текст полностью составлен на немецком языковом стандарте.

В представленных выше примерах наблюдается типичная для немецкоязычной Швейцарии XIX – первой трети XX веков «заговорная диглоссия», которая проявляется в следующем:

1. Стратификация по функции: стандартный немецкий (в примерах 1, 2 и зачин 6-го) используется для библейских/христианских нарративов, клятв и книжных формул, не привязанных к локусу; здесь стандарт маркирует авторитет письменной традиции.

2. Алеманнский диалект (примеры 3, 4, 5, фрагмент 6-го) используется для прямой императивной магии (*tüets vertribu*), топографической привязки (*vo Willisau*) и обращения к духам, растениям и животным (*Hund, Halt din Mund*); стандарт маркирует локальную, телесную магию.

3. Языковые реликты и диалектизмы: архаичные глагольные формы в алеманнских диалектах, восходящие к средневерхненемецкому; диалектные формы инфинитива; предлог *vo* вместо *von* и элизия артикля (*'s heilig Bluet*) как типичные признаки редукции в швейцарских диалектах, невозможные в стандарте.

4. Латинские вставки выполняют роль «акустического ключа»: узнаваемые звуки церковной службы активируют магическую силу и усиливают суггестивный эффект.

С точки зрения исторической лингвистики и диалектологии, данные тексты демонстрируют ситуацию, когда устная диалектная традиция в бесписьменных сообществах начинает записываться, но при этом сохраняет черты, утраченные или несвойственные для современного немецкого языкового стандарта. Таким образом, каждый заговор представляет

собой индивидуальную комбинацию кодов, где выбор между стандартом и диалектом определяется не только ареалом распространения или фиксации, но и предполагаемым источником магической силы. В частности, при упоминании Бога, Христа, Девы Марии или Писания требуется перейти на стандарт, а при перечислении бытовых артефактов, животных и растений, названий болезней и местных святынь достаточно знать локальный диалект.

4 | Заключение

Проведенный анализ методических принципов фиксации заговорных текстов в немецкоязычной Швейцарии первой трети XX в. и самого вербального материала позволяет сформулировать несколько выводов, значимых для современной социолингвистики и диалектологии фольклора.

Во-первых, швейцарская модель многоязычия и диглоссии не сводится к простому функциональному распределению «высокого» (стандарт) и «низкого» (диалект) кодов в ритуальной сфере. Именно в лечебной магии возникает особый тип ситуативно-смысловой стратификации, где выбор кода определяется не только степенью формальности общения, но и онтологическим статусом произносимого: обращение к сакральным персонажам и письменной традиции требует стандарта, тогда как манипуляции с телом, животными, растениями и локальными артефактами кодируются диалектом. Этот феномен, который можно обозначить как «заговорная диглоссия», не описывается в рамках классической модели Ч. Фергюсона или расширенных моделей диглоссии Дж. Фишмана, поскольку в ней отсутствует иерархия престижа в чистом виде, оба кода выполняют взаимодополняющие, но не взаимозаменяемые магические функции.

Во-вторых, обращение к архивным методическим дискуссиям начала XX века показывает, что уже в тот период европейские этнографы (в частности, швейцарцы Э. Гофман-Крайер и Г. Бехтольд-Штойбли) интуитивно пришли к принципам, которые в современной социолингвистике формулируются как требование фиксации естественной языковой вариативности без редукции под влиянием стандарта. Требование записывать «непонятое и непонятное слово» именно так, как оно было произнесено, предвосхитило подходы к документированию исчезающих и малых языков, где любое «улучшение» собирателем уничтожает уникальную социолингвистическую информацию (от фонетических особенностей до кодовых переключений, маркирующих смену дискурсивных регистров).

В-третьих, сопоставление швейцарской методической традиции с дискуссионной позицией В.Я. Проппа о допустимости «осторожной замены» диалектных особенностей выявляет принципиально различные эпистемологические установки. Швейцарская школа исходила из презумпции значимости любого отклонения, видя в диалектизме не дефект записи, а источник данных о локальной идентичности и способах конструирования магической реальности. Раннесоветский подход В.Я. Проппа, сформировавшийся под влиянием формальной школы 1920–30-х гг. и отразившийся в его более поздних публикациях, при всем уважении к аутентичности допускал выравнивание произносительных норм как возможный компромисс для определенных типов изданий. Эта дихотомия остается актуальной и сегодня – в эпоху корпусной лингвистики и оцифрованных архивов перед исследователем вновь встает вопрос: должен ли публикуемый фольклорный текст отражать реальную речевую деятельность во всей ее хаотичности или подчиняться издательским конвенциям, облегчающим чтение, но нивелирующим социолингвистические маркеры?

Наконец, анализ конкретных заговорных текстов показал, что диглоссия в Швейцарии не является статичным явлением: степень проникновения диалекта в стандартные формулы варьируется от полного диалектного текста (в редких случаях и преимущественно в записях довоенного времени) до почти чистого стандарта (наиболее частотное явление в наши дни). Это свидетельствует о континуальном характере кодового взаимодействия, где граница между идиомами не абсолютна, а представляет собой зону перманентных гибридных образований. В ритуальном дискурсе механизмы переключения кодов могут быть мотивированы не только прагматикой и ситуацией, но и глубинными семантическими оппозициями «сакральное/профанное», «письменное/устное», «универсальное/локальное». Исследование швейцарского заговорного материала начала XX в. оказывается релевантным вкладом в современную социолингвистику. Оно предлагает эмпирически обоснованную модель анализа ритуальной диглоссии, которая может быть экстраполирована на другие многоязычные сообщества, где традиционная медицина и вербальная магия продолжают функционировать как живая практика.

ЛИТЕРАТУРА

- Адоньева С.Б., Алтухова А.Н., Белов М.Д. [и др.] (2023) Лингвистическая антропология // Антропологический форум. № 58. С. 12–189. DOI 10.31250/1815-8870-2023-19-58-12-189.
- Карпов В.И. (2011) К проблеме изучения феномена code-mixing на материале немецких фольклорных текстов // Вестник Новосибирского государственного университета.

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 9, № 2. С. 90–95. EDN MYUDRM.

- Кончук Л.Б. (2018) Проблема языкового стандарта в условиях диглоссии немецкого языка Швейцарии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11-2(89). С. 343–350. DOI 10.30853/filnauki.2018-11-2.28.
- Пронн В.Я. (1956) Текстологическое редактирование записей фольклора // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1956. Т. 1. 346 с.
- Смирнова М.А. (2020) Итальянский язык в кантоне Граубюнден (Швейцария): социолингвистические и методологические аспекты изучения. // Социолингвистика. № 4(4). С. 88–102. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-4-4-88-102
- Чукиш В.А. (2023) Роль диалекта как средства идентификации швейцарской языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Том 16. Выпуск 2. С. 572–576. DOI: 10.30853/phil20230043
- Dornheim J. (1986) 'Doppelbödiges Sprechen' im volkskundlichen Interview. In: Brekle, H.E., Maas, U. (eds) Sprachwissenschaft und Volkskunde. VS Verlag für Sozialwissenschaften. P. 77–89. https://doi.org/10.1007/978-3-322-87627-0_4
- Fragebogen über die schweizerische Volkskunde (1931) // Schweizerisches Archiv für Volkskunde. Band 31. P. 101–142
- Hoffmann-Krayer E. (1914) Eine Sammlung deutscher Segens- und Beschwörungs-Formeln // Schweizer Volkskunde: Korrespondenzblatt der Schweizerischen Gesellschaft für Volkskunde. Band 4. Heft 2. P. 7–8
- Hoffmann-Krayer E. (1916) Aufruf zur Sammlung der deutschen Segen- und Beschwörungsformeln. Verband deutscher Vereine für Volkskunde // Frankenland. Illustrierte Monatsschrift für Geschichte, Kunst, Kunsthandwerk, Literatur, Volkskunde und Heimatschutz in Franken. Band 3, Heft 1. P. 160–170, 213–220
- Inauen R. (1995) För Hitz ond Brand. Gebetsheilerinnen und Gebetsheiler in Appenzell Innerrhoden. // Kräuter und Kräfte. Heilen im Appenzellerland. Walter Irniger (hrsg.). Herisau. P. 47–69
- Maslakova-Clauberg N. I., Clauberg R. (2022) Schweizerdeutsch in einer Welt im Wandel // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. № 19. С. 263–273. DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-263-273
- Sharma R., Magali J. (2009) Heilerinnen und Heiler in der Deutschschweiz: Magnetopathen, Gebetsheiler, Einrenker. Lausanne: Editions Favre. 288 p.
- Trümpler H. (1964) Aus Eduard Hoffmann-Krayers Briefwechsel. // Schweizerisches Archiv für Volkskunde. Band 60. Heft 3-4. P. 113–132

REFERENCES

- Adon'eva, S.B., Altukhova, A.N., Belov, M.D. et al. (2023) Lingvisticheskaya antropologiya [Linguistic anthropology], *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], no. 58, pp. 12–189. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-58-12-189> (In Russian).
- Karpov, V.I. (2011) K probleme izucheniya fenomena code-mixing na materiale nemetskikh fol'klornykh tekstov [On the problem of studying the phenomenon of code-mixing on the material of German folklore texts], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], vol. 9, no. 2, pp. 90–95. (In Russian).
- Kopchuk, L.B. (2018) Problema yazykovogo standarta v usloviyakh diglossii nemetskogo yazyka Shveytsarii [The problem of the language standard in the context of diglossia of the German language in Switzerland], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological

- Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 11–2(89), pp. 343–350. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.28> (In Russian).
- Propp, V.Ya. (1956) Tekstologicheskoe redaktirovanie zapisey fol'klora [Textological editing of folklore records]. In: *Russkiy fol'klor. Materialy i issledovaniya* [Russian folklore. Materials and research], vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 346 p. (In Russian).
- Smirnova, M.A. (2020) Ital'yanskiy yazyk v kantone Graubunden (Shveysariya): sotsiolingvisticheskie i metodologicheskie aspekty izucheniya [The Italian language in the canton of Graubünden (Switzerland): sociolinguistic and methodological aspects of study], *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], no. 4(4), pp. 88–102. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-4-4-88-102> (In Russian).
- Chukshis, V.A. (2023) Rol' dialekta kak sredstva identifikatsii shveysarskoy yazykovoy lichnosti [The role of dialect as a means of identifying a Swiss linguistic persona], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], vol. 16, iss. 2, pp. 572–576. <https://doi.org/10.30853/phil20230043> (In Russian).
- Dornheim, J. (1986) 'Doppelbödiges Sprechen' im volkskundlichen Interview ['Double-bottomed speech' in the folkloristic interview]. In: Brekle, H.E. and Maas, U. (eds) *Sprachwissenschaft und Volkskunde* [Linguistics and Folklore]. VS Verlag für Sozialwissenschaften, pp. 77–89. https://doi.org/10.1007/978-3-322-87627-0_4 (In German).
- Fragebogen über die schweizerische Volkskunde [Questionnaire on Swiss folklore] (1931), *Schweizerisches Archiv für Volkskunde* [Swiss Archives of Folklore], Band 31, pp. 101–142. (In German).
- Hoffmann-Krayer, E. (1914) Eine Sammlung deutscher Segens- und Beschwörungs-Formeln [A collection of German blessing and incantation formulas], *Schweizer Volkskunde: Korrespondenzblatt der Schweizerischen Gesellschaft für Volkskunde* [Swiss Folklore: Correspondence Journal of the Swiss Society for Folklore], Band 4, Heft 2, pp. 7–8. (In German).
- Hoffmann-Krayer, E. (1916) Aufruf zur Sammlung der deutschen Segen- und Beschwörungsformeln. Verband deutscher Vereine für Volkskunde [Call for the collection of German blessing and incantation formulas. Association of German Societies for Folklore], *Frankenland. Illustrierte Monatsschrift für Geschichte, Kunst, Kunsthandwerk, Literatur, Volkskunde und Heimatschutz in Franken* [Franconia. Illustrated Monthly Journal for History, Art, Crafts, Literature, Folklore and Heritage Protection in Franconia], Band 3, Heft 1, pp. 160–170, 213–220. (In German).
- Inauen, R. (1995) För Hitz ond Brand. Gebetsheilerinnen und Gebetsheiler in Appenzell Innerrhoden [For heat and fire. Prayer healers in Appenzell Innerrhoden]. In: Irniger, W. (hrsg.) *Kräuter und Kräfte. Heilen im Appenzellerland* [Herbs and Powers. Healing in the Appenzell Region]. Herisau, pp. 47–69. (In German).
- Maslakova-Clauberg, N.I. and Clauberg, R. (2022) Schweizerdeutsch in einer Welt im Wandel [Swiss German in a changing world], *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* [Russian Germanistics: Yearbook of the Russian Union of Germanists], no. 19, pp. 263–273. <https://doi.org/10.47388/2782-2605/lunn2022-19-263-273> (In German).
- Sharma, R. and Magali, J. (2009) *Heilerinnen und Heiler in der Deutschschweiz: Magnetopathen, Gebetsheiler, Einrenker* [Healers in German-speaking Switzerland: Magnetopaths, Prayer Healers, Bonesetters]. Lausanne: Editions Favre, 288 p. (In German).
- Trümpp, H. (1964) Aus Eduard Hoffmann-Krayers Briefwechsel [From Eduard Hoffmann-Krayer's correspondence], *Schweizerisches Archiv für Volkskunde* [Swiss Archives of Folklore], Band 60, Heft 3–4, pp. 113–132. (In German).

Владимир Ильич Карпов

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт языкознания Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:

125009 Российская Федерация,
г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: wi.karpow@iling-ran.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1377-1643>

Vladimir I. Karpov

Doctor of Philology, leading research fellow,
Institute of Linguistics of the Russian Academy
of Sciences,
Moscow, Russian Federation.

Correspondence address:

1/1 B. Kislovsky lane,
Moscow 125009,
Russian Federation.

Email: wi.karpow@iling-ran.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1377-1643>

Для цитирования: *Карпов В.И.* Социолингвистические и диалектологические аспекты изучения феномена народного целительства в немецкоязычной Швейцарии // Социолингвистика. 2026. № 1. С. 102–118. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-06

For citation: *Karpov V.I.* Sociolinguistic and dialectological aspects of the study of the phenomenon of traditional healing in German-speaking Switzerland // Sociolinguistika. 2026. No. 1. Pp. 102–118. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-06

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 07.04.2025;
approved after reviewing 10.02.2026;
accepted for publication 30.05.2026.